

И вдруг никого не стало

Автор:

[Изабель Отисье](#)

И вдруг никого не стало

Изабель Отисье

Роман одной из самых героических женщин нашего времени. Изабель Отисье – знаменитая мореплавательница, неоднократно совершала одиночную кругосветку на яхте, несколько раз терпела крушение. Многие из того, что описано в книге, писательница испытала на себе; об океане, стихии и дикой природе она знает не понаслышке.

Устав от серых будней, молодая влюбленная пара решает отправиться в долгое путешествие на яхте. Основательно подготовившись, они выходят в Атлантический океан и после нескольких месяцев, полных невероятных впечатлений, бросают якорь у необитаемого острова вблизи Патагонии и мыса Горн. Эта стоянка оказывается роковой. Изолированные от всего мира, без еды, теплой одежды и средств связи, они оказываются один на один друг с другом и с дикой природой. На фоне величественных пейзажей их приключение оборачивается сначала драмой, а затем и кошмаром. Мужчина и женщина, прежде без памяти влюбленные друг в друга, начинают стремительно отдаляться. У них теперь новые спутники – пингвины, морские львы и крысы. А также голод, холод и отчаяние. Истинно французская экзистенциальная драма, уложенная в канву приключенческой робинзонады и написанная выдающейся путешественницей.

Изабель Отисье

И вдруг никого не стало

SOUDAIN, SEULS

Isabelle Autissier

Copyright © Editions Stock, 2015

Все права защищены.

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии Литературного агентства Анастасии Лестер

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин» при поддержке Французского института в России

Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme d'aide à la publication Pouchkine, a bénéficié du soutien de l'Institut français en Russie

ISBN 978-5-86471-761-5

© Александра Василькова, перевод, 2017

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2017

* * *

К писательству я отношусь как к предстоящей кругосветке. Для меня литература – мой личный путь к людям, мой вклад в наше общее великое путешествие по жизни.

Изабель Отисье

Несмотря на то что Изабель Отисье (1956 г.) родилась и выросла в сухопутном Париже, ее жизнь с самого раннего детства была связана с морем. Свое первое плавание она совершила в возрасте шести лет и с тех пор заболела морскими странствиями. Она стала первой в мире женщиной – участницей кругосветной гонки на 60-футовых яхтах, придя седьмой. После этого успеха она целиком посвятила себя парусному спорту. В 1994 году, во время очередной парусной регаты, яхта Изабель попала в шторм и потерпела крушение недалеко от Австралии. Это трагическое событие не отвратило отважную женщину от океана. Изабель Отисье стала значительной фигурой в суровом мужском мире парусного спорта. Во Франции к ней начали относиться как к национальной героине, а в 1996 году Международная федерация парусного спорта назвала ее яхтсменом года. В 1999-м, во время одиночной парусной гонки, ее яхта перевернулась на скорости в 25 узлов. Спасла Изабель счастливая случайность: неподалеку оказалась итальянская яхта, капитан которой и выловил ее из штормового океана. После этого события Изабель отказалась от одиночных кругосветок, но продолжила участвовать в гонках в составе экипажа. В это же время Изабель Отисье обратилась к писательству. Сначала были рассказы, эссе и даже оперное либретто, а в 2009-м вышел ее первый роман, посвященный, конечно, морю. В том же году Изабель Отисье избрали президентом французского отделения Всемирного Фонда дикой природы. Изабель Отисье – кавалер ордена Почетного легиона.

Там

Они вышли рано утром. День обещал быть чудесным – в этих беспокойных широтах порой такие выдаются. Небо ясное, лишь за пятидесятой параллелью Южного полушария и увидишь эту глубокую чистую синеву. Темная поверхность воды гладкая, без намека на рябь, «Ясон» будто парил в невесомости. И ни дуновения. Альбатросы лениво покачивались рядом с яхтой.

Затащив шлюпку повыше на песчаный берег, они обошли старую китобойную базу. Ржавое железо в солнечных лучах тепло светилось всеми оттенками золотистой и рыжей охры. Люди покинули это место, и территорией снова завладели животные – те самые, на которых люди так долго охотились, которых убивали, потрошили и варили в огромных котлах, нынче пришедших в негодность. За каждой грудой кирпичей, в развалинах сараев, среди путаницы труб, по которым давно ничего никуда не текло, уютно устроились стайки осторожных пингвинов, семьи ушастых тюленей, морские слоны. Они долго бродили, глаза по сторонам, и только ближе к полудню двинулись вглубь острова.

«Не меньше трех часов», – сказал им Эрве, один из немногих, кто побывал здесь. Как только удаляешься от берега, зелень пропадает, уступая место камням: скалы, утесы, горные пики в снежных шапках. Они шли быстрым шагом, радуясь, словно школьники на загородной прогулке, то необычному оттенку гальки, то прозрачной воде в ручье. Добравшись до первого уступа, за которым море должно скрыться из виду, устроили привал. Во всем была та простая красота, для которой не найти слов. Бухта в окружении темных отвесных скал, поверхность воды, мерцающая серебром – словно поднявшийся легкий ветерок ворошит рассыпанные монетки, ржавое пятно заброшенной станции и их судно, их славная лодка, дремлющая со сложенными крыльями, как давешние утренние альбатросы. Вдали виднелись залитые светом, неподвижные бело-синие мастодонты. Нет картины более мирной, чем айсберг в тихую погоду.

Высоко над головой небо прорезали длинные белые царапины, обведенные золотой солнечной каймой. Завороженные, они долго простояли, любуясь ими. Пожалуй, слишком долго. Небо на западе посерело, и Луиза насторожилась – пробудился инстинкт, выработанный в горах.

– Может, вернемся? Собираются тучи. – Беззаботный голос прозвучал фальшиво, выдавая беспокойство.

– Еще чего! Вечно ты дергаешься по любому поводу. Тучи даже кстати, жара спадет.

Людовик постарался не дать раздражению прорваться, но своими опасениями она его уже достала. Если бы он к ним прислушивался, сроду бы не забрались на край света, не оказались бы на этом острове в полном одиночестве. И точно не купили бы яхту и не отправились в путешествие. Ну да, небо вдали слегка

потемнело, в худшем случае они попадут под дождь и вымокнут – больше ничего им не угрожает. Но за любовь к приключениям надо платить, и ведь именно этого они и хотели – вытащить себя из парижской офисной рутины, вырваться из уютной оупляющей апатии, не остаться на обочине собственной жизни и после шестидесяти не жалеть о том, что ничего не испытали, не рисковали, не сражались. С трудом взяв себя в руки, он продолжил уговаривать:

– У нас не будет другого случая увидеть знаменитое пересохшее озеро. Эрве рассказывал, что такого лабиринта из ледяных глыб нет больше нигде. Помнишь, он показывал невероятные фотографии? И зачем я тогда тащил ледорубы и кошки? Вот увидишь, мы с ума сойдем от восторга, и ты – первая.

Он задел ее чувствительную струнку. Из них двоих альпинисткой была она. И именно ради нее он выбрал этот маршрут, этот скалистый остров, нагромождение девственных, никем не покоренных пиков, затерявшихся посреди Атлантики, за пятидесятой южной параллелью.

До последнего гребня они добрались только к двум часам пополудни, небо к тому времени заметно потемнело. Эрве не соврал – от увиденного и впрямь захватывало дух. Безупречный овал кратера, длиной больше километра, совершенно пустой. На конических стенах концентрические круги, напоминающие лунки исполинских ногтей, – следы, оставленные водой. Дно сухое, из-за удивительного геологического феномена вода ушла под каменную гряду. В ложе бывшего озера остались лишь огромные льдины, иные в десятки метров высотой, – свидетели тех времен, когда они были единым целым с ледником внизу. Сколько же веков томится здесь это позабытое войско? Под мрачным небом от присыпанных древней пылью глыб исходило ощущение пронзительной тоски. Луиза снова предложила повернуть обратно.

– Теперь мы знаем дорогу, придем еще раз, незачем мокнуть...

Но Людовик с радостным воплем уже мчался вниз по склону. Некоторое время они блуждали среди ледяных глыб, однако вблизи лабиринт оказался унылым. Ни ослепительной белизны, ни синевы – все скрыто под слоем грязи. Поверхность медленно таявшего льда потускнела от времени, стала похожа на изъеденный насекомыми пергамент. И все же эта сумрачная красота их покорила. Они мечтательно поглаживали холодные глыбы, ладони скользили по

оплывшим лункам. То, что таяло прямо на глазах, существовало задолго до них, задолго до того, как Homo sapiens начал изменять облик планеты. Они перешли на шепот, как обычно делают в соборе, словно боялись разрушить хрупкую гармонию.

Полил дождь, и на этом с созерцанием было покончено.

– Все равно он тухлый какой-то, этот лед. Эрве не поленился, полазил по глыбам, но мне, честно говоря, совершенно не хочется туда карабкаться. Надо побыстрее возвращаться. Поднимается ветер, и нам, с нашим маленьким подвесным моторчиком, возможно, придется грести.

Луиза уже не ворчала, теперь она просто-напросто командовала, Людовик знал этот ее категорический тон. Знал он и то, что здравый смысл и чутье, как правило, ее не подводили. Что ж, можно и вернуться.

Выбравшись из кратера, они спустились по склону в долину. Ветер уже вовсю трепал куртки, ботинки скользили на мокрых камнях. Погода переменилась стремительно. Добравшись до последнего перевала, они молча отметили, что бухта больше не напоминает недавнюю идиллическую картинку. Будто злая волшебница превратила зеркальную гладь в яростные черные валы. Луиза побежала к берегу, Людовик, чертыхаясь, плелся следом, оба тяжело дышали. Волны беспорядочно обрушивались на песок, и было видно, как яхта дергается на цепи в беспокойном море.

– Вымокнем, конечно, тут уж ничего не поделаешь, зато потом утешимся горячим шоколадом! – прокричал Людовик. – Иди на нос и выгребай против волны, а я буду толкать! Как только выберемся из полосы прибоя, запущу мотор.

Они тащили шлюпку вперед, надеясь на затишье. Волны били по ногам, ледяная вода доходила уже до колен.

– Ну вот! Быстрее! Греби... да греби же!

Людовик увязал в мокром песке, Луиза молотила веслом. Первая волна захлестнула с головой, вторая с силой ударила в борт, приподняла и перевернула. Они столкнулись в кипении белесой пены.

– Черт!

Людовик ухватился рукой за канат, откатная волна уже тащила лодку в море. Луиза потерла плечо:

– Мотор ударил сзади, как больно.

Мокрые с головы до ног, испуганные этим внезапным натиском, они прижались друг к другу.

– Давай оттащим шлюпку вот туда, там волны поменьше.

Они потянули лодку туда, где, как им показалось, легче отойти от берега, но, добравшись до этого места, поняли, что и тут не лучше. Еще дважды они повторили попытку, и оба раза пенный вал швырял их обратно.

– Хватит! Все равно ничего не получится, и больно нестерпимо.

Луиза села на землю, заплакала, баюкая руку, но слез не было видно за хлеставшими по лицу струями дождя. Людовик в ярости пнул песок, из-под ноги полетели мокрые комья. Его переполняли гнев и обида. Сучья страна! Сучьи остров, ветер и море! Вышли бы на полчаса, самое большее на час раньше – и сейчас уже обсыхали бы у печки, смеясь над своими приключениями. Он злился на собственное бессилие и на закравшееся в душу мучительное раскаяние.

– Ну, значит, не получится. Слушай, давай переждем непогоду под крышей. Ветер поднялся быстро, быстро и стихнет.

Они с трудом затащили шлюпку повыше на песчаный берег, привязали ее к уцелевшему с незапамятных времен серому столбу и направились к дому, пробираясь между обломками досок и кусками железа.

За шестьдесят лет ветер немало потрудился на бывшей китобойной базе. Некоторые здания будто взрывом разметало изнутри. Сначала ветер выбил стекла, затем ворвался в дом и довершил дело. Иные строения скособочились и так стояли в ожидании последнего удара, который их прикончит. Луиза и Людовик присмотрели хижину рядом с деревянным пандусом, по нему когда-то

затаскивали на разделку китовые туши, но внутри их встретила нестерпимая вонь. Четыре сбившихся в кучу морских слона, недовольные тем, что их потревожили, громко заурчали.

Раздосадованные, они побрели среди развалин к двухэтажному зданию, похоже сохранившемуся лучше других. Навстречу так невозмутимо вышагивала стая пингвинов, что Людовику захотелось шугануть их. Внутри было темно, сыро и мрачно. Оглядев истертые плитки пола, железные столы и облезлые чаны, они догадались, что здесь, должно быть, помещалась общая кухня. И в самом деле, соседняя комната напоминала столовую. Продрогшая Луиза без сил опустилась на скамью. Ей было больно, а главное – ей было страшно. В горах ее не раз заставляла непогода, и она знала, что делать: в крайнем случае – зарыться в снег в спальнике с непромокаемым чехлом и ждать. А здесь она растерялась, почувствовала себя беспомощной.

Людовик поднялся по бетонной лестнице на второй этаж. Наверху оказались две просторные общие спальни, разделенные невысокими перегородками на отсеки, в каждом – продавленный матрас, тумбочка и пустой шкаф с распахнутыми дверцами. Похоже, люди, которым посчастливилось сбежать из этого ада, в спешке покинули жилье, оставив выцветшие фотографии, одинокий ботинок, драную одежду на гвозде. Разболтанная дверь в дальней стене вела в маленькую, обшитую досками комнату, обставленную чуть получше: в ней, должно быть, жил бригадир.

– Пойдем наверх, там уютнее. Побудем в тепле.

Насчет тепла и уюта он несколько преувеличил. Они завалились на скрипучую кровать. Дождь лупил по дребезжащим стеклам, вода заливалась в щели, в углу уже образовалась лужа. Доски пола прогнили, в зеленоватом свете на побелке видны были потеки. Стул всего один, да и тот сломан, и Людовика это почему-то удивило. Совершенно целым выглядел только письменный стол с одним ящиком, похожий на учительские столы начала века.

– Ну вот и наш горный приют! Покажи-ка мне плечо. И давай посушимся.

Он старался ее успокоить, убедить, что все это – лишь мелкая неприятность, но руки у него слегка дрожали. Он помог ей раздеться, стал выжимать ее насквозь промокшую одежду. Голое тело Луизы, стройное и мускулистое, казалось

хрупким. Пока они плыли в теплых широтах, она наотрез отказывалась загорать, и теперь потемневшие на солнце руки, ноги до колен и лицо контрастировали с белизной всего остального тела. Вода стекала с черной челки на зеленые с коричневыми крапинами глаза. Именно в эти глаза он и влюбился пять лет назад, и сейчас его захлестнула нежность. Он принялся растирать Луизу свитером, чтобы согреть, постарался досуха выжать ее одежду. На левом плече у нее наливался чернотой большой синяк, алела длинная ссадина – наверное, задело винтом. Под его руками она была как безвольная кукла, только поеживалась от холода. Потом он проделал все то же самое с собой, но вскоре совершенно окоченел в липнущей к телу мокрой одежде. Здесь и летом-то, в хорошую погоду, больше пятнадцати градусов не бывает, а сейчас термометр должен показывать около десяти.

– Зажигалка у нас с собой?

– В рюкзаке.

Ну конечно – она же альпинистка, свою драгоценную зажигалку не забудет никогда. Кроме зажигалки в рюкзаке были два спасательных одеяла, и он поспешил закутать Луизу в одно из них.

Обшарив кухню, нашел большую алюминиевую форму для запекания или что-то вроде того. Доломал расшатанные полки, притащил все это наверх, ножом расщепил доски и после нескольких неудачных попыток разжег костерок. Хотя дверь была открыта, комнату вскоре заволочло дымом, но это все же лучше, чем мерзнуть.

Он заставил себя выбраться наружу посмотреть, что там делается. Ветер все крепчал, море вскипало под его натиском. Скорость узлов сорок. Ничего особенно страшного, но до «Ясона» пока не добраться. Сквозь завесу дождя он различал яхту, сопротивляющуюся волнам. Тучи висели так низко, что вершины скал растворились в серой пелене. Почти совсем стемнело.

– Похоже, нам придется здесь заночевать, – вернувшись в спальню, сказал он. – У нас осталась какая-нибудь еда?

Луиза немного ожила. Пока его не было, она поддерживала огонь, и теперь в комнате было уютнее, несмотря на вонь от горящих старых досок, пропитанных

дегтем. Пристроив куртки поближе к очагу, они сели рядом и, тесно прижавшись друг к другу, стали грызть злаковые батончики.

Ни малейшего желания обсуждать случившееся не было. Оба – и осмотрительная Луиза, и безрассудный Людовик – знали, что, ступив на эту территорию, рискуют поссориться. Время для объяснений наступит потом, когда неприятное происшествие останется позади. Они припомнят все в подробностях, она докажет ему, что они поступили неразумно, он ответит, что такое предвидеть было невозможно, они поцапаются, потом помирятся. Это превратилось у них почти в ритуал, предохранительный клапан для их разногласий. Никто не признает себя побежденным, каждый сохранит уверенность в собственной правоте, но они согласятся заключить почетный мир. А пока надо сплотиться и ждать. Они сидели молча, прислушиваясь к нарастающему за стенами грохоту. Глаза у обоих покраснели от дыма. В пустых комнатах нижнего этажа завывал ветер, неумолчному низкому гулу вторил пронзительный свист. Временами ветер немного стихал, и они разом обмякали, расслаблялись, но рев тут же вскипал с удвоенной силой. Где-то гроыхало железо, словно кто-то бил в большие барабаны. Они слушали эту мрачную симфонию, на них навалилась усталость от долгого перехода и особенно от того, что пришлось пережить за последние несколько часов. В конце концов Людовик где-то откопал пропахшее пылью старое одеяло, они устроились вдвоем на узкой кровати и мгновенно провалились в сон.

Посреди ночи Людовик проснулся. Ветер шумел теперь совсем по-другому, должно быть, теперь он дул с суши и еще усилился. Гул шел издали, сверху, барабанным рокотом катился по долине, а потом ударялся в стену, и казалось, что дом вот-вот развалится. Ветер переменялся – это хороший знак, решил он, значит, буря скоро утихнет. Сейчас, в темноте и покое, во влажном тепле их сплетенных тел, он почти блаженствовал. Они здесь вдвоем, на тысячи километров вокруг нет ни одного человека, только ветер ревет, но они в укрытии, и ураган им не страшен. Он ощущал каждую частичку своего тела так, будто она независима от других, и собирал воедино подробности нынешнего странного положения: его спина упирается в тощий продавленный матрас, сквозняк шевелит волосы на макушке, Луиза тихо посапывает, уткнувшись ему в грудь. Людовику захотелось ее разбудить, чтобы заняться любовью, но тут он вспомнил про ее ушибленное плечо. Пусть поспит, не надо ее тревожить. Может, утром...

Незадолго до рассвета шум внезапно утих. Оба проснулись, отметили это и, расслабившись, снова уснули.

Окончательно разбудил Луизу солнечный луч. До тех пор, пока не наступило затишье, ее преследовали кошмары. Ей снилось, что огромная волна выбила окна их квартиры в пятнадцатом округе, потом – что плот несет ее по улицам, затопленным темной водой, а из окон ей кричат, отчаянно размахивая руками, зовут на помощь.

– Людовик, ты спишь? Похоже, все закончилось!

Они заворочались, разминая затекшие руки и ноги. Приподнявшись на постели, Луиза ощупала плечо и сморщилась:

– Может, я ничего не сломала, но с яхтой придется тебе управляться одному.

– Как скажешь, принцесса. Ну пойдем, гостиница нам попалась не самая роскошная, но через четверть часа на борту будет подан завтрак. Если мадам соблаговолит...

Улыбнувшись друг другу, они собрали вещи и вышли из пропахшей дымом комнаты.

Солнце сияло так же ослепительно, как и вчера.

– И куда нас с тобой занесло...

Шагнули за порог – и замерли, разом ощутив одно и то же – жестокий удар под дых. Живот скрутило, едкая волна обожгла горло, бросило в дрожь, которой никак не унять. Бухта была пуста.

...Яхта... не может быть... она исчезла...

Они что-то, запинаясь, бормотали, моргали и шурились, словно надеялись таким образом исправить картинку. Это всего лишь плохой сон, достаточно прокрутить обратно пленку с событиями этой ночи, а потом запустить снова – и правильный порядок вещей восстановится. Они должны были выйти, увидеть на прежнем

месте свой надежный «Ясон» и весело спуститься на берег. Но реальность безжалостно настаивала на своем. «Ясон» исчез. Они долго всматривались в бухту, отыскивая глазами затонувшее судно или хотя бы торчащую над водой у скал верхушку мачты. И ничего не видели. То есть жизнь продолжалась, шелестел прибой, чайки торопливо рылись клювами в песке, все было в порядке. «Ясон» – их корабль, их дом, воплощение их свободы – просто-напросто стерли, будто подчистили помарку, убрали ошибку. Этого не могло быть, они не в силах были принять это. Ошарашенные, они замолчали, и каждый прокручивал в голове ужасающие последствия исчезновения яхты: у них больше нет ни дома, ни еды, ни одежды, они не могут покинуть остров или с кем-нибудь связаться. Они угодили в настолько нелепое, настолько ни с чем не сообразное положение, что даже возмущаться были неспособны. Людовику просто-напросто никогда и на мгновение не приходило в голову, что он может остаться без крыши над головой, без еды. Когда по телевизору шла передача о жалком существовании африканцев или азиатов, он подавлял смутные угрызения совести, убеждая себя, что у этих людей, конечно же, не такие потребности, как у него самого, что они привыкли довольствоваться малым. Иногда он посылал чек в ЮНИСЕФ, но вообще все это его не очень трогало.

Луизе во время походов в горы нередко приходилось, насквозь промокшей, ночевать под открытым небом, спать вполглаза. Случалось даже из-за плохой подготовки к походу по три дня подряд делить на четверых порции, которые полагались бы каждому. Ей довелось испытать на себе, насколько слаб и хрупок человек, оставшийся наедине с природой, вдали от своих опор и ориентиров. Но всерьез ее жизни ничто не угрожало, и лишения всегда быстро заканчивались. Ну живот сводило от голода, под глазами залегали круги – и только. Вскоре они спускались в долину и, стоя под душем или расправляясь со стейком, запоздало поживались, а потом можно было весело обо всем этом вспоминать вместе с товарищами по связке. Но такие истории хоть как-то подготовили ее к непредвиденным ситуациям. То ли интуитивно, то ли благодаря опыту она умела отделять необходимое от лишнего, отличать настоящую опасность от того, что всего лишь пугает. Чтобы стать хорошей альпинисткой, ей пришлось научиться пересматривать цель, если менялись обстоятельства, решать, учитывая состояние группы, сводку погоды и природные условия, повернуть обратно или двигаться дальше. Так что она первой вышла из столбняка.

– Только бы шлюпка оказалась на месте! Пойдем посмотрим. «Ясон» был на полпути между косой и скалами напротив. Может, он там и затонул.

– Но тогда над водой торчала бы мачта!

Людовик, как мог, сражался против очевидности. Он, всегда оптимистично настроенный и ко всему готовый, почувствовал себя никчемным. Все было бессмысленно.

– Мачта могла сломаться. Здесь глубина не больше семи или восьми метров, мы могли бы что-то найти – еду, инструменты. Там есть спутниковый телефон в непромокаемом чехле. Надо, по крайней мере, попытаться. Шевелись же, не стой столбом!

– Нет, я уверен, что якорь не удержался в грунте. Я слышал сегодня ночью, как переменялся ветер, задул норд-вест. Сверху, с гор, и он все усиливался, настоящий шквал, вилливо[1 - Вилливо (williwaw) – сильный и холодный шквал на подветренной стороне гор на побережье Южной Америки, в Магеллановом проливе, а также на Аляске и в Алеутских горах. Иногда длится всего несколько секунд. – Здесь и далее примеч. перев.], как в книжках.

– Плевать я хотела на книжки! – выкрикнула Луиза. – Что ты предлагаешь? Вернуться в гостиницу?

Она ринулась на берег, он – следом. У обоих крутились одни и те же мысли. Остров необитаем. Собственно говоря, это заповедник, и вообще-то они не должны были к нему приставать, но решили нарушить правила.

Все равно сюда никто никогда не заглядывает. Вылазка в настоящую природу. Постоим там несколько дней, никто об этом не узнает...

Никто и не узнал. Родные полагают, что они сейчас приближаются к Южной Африке. Искать их здесь никому в голову не придет. Все будут думать, что они погибли в море. Людовик на мгновение представил себе родителей – дома, рядом с телефоном. Если они с Луизой не найдут «Ясон», остров станет для них тюрьмой, – тюрьмой, которую никто не охраняет, кроме океана на тысячи километров вокруг.

Буря забросала шлюпку песком и водорослями, но она оказалась на прежнем месте, и от этого им стало немного легче.

Битый час они кружили на веслах около вчерашней якорной стоянки. При слабом ветре на чистой зеленой воде почти не было барашков, виднелись камни, какие-то темные глыбы – похоже, части оборудования китобойной станции, отвалившиеся или отломанные детали механизмов. Если бы судно затонуло, они не могли бы его не заметить.

Потеряв всякую надежду, они вернулись на берег.

– Якорную цепь вытравили недостаточно, – сердито сказала Луиза.

– Да нет, там была тройная глубина – как всегда.

– Ну так здесь-то явно все не как всегда!

– И потом, якорь Солтана – лучший из всех, какие есть, он довольно дорого нам обошелся и обычно держится в любом грунте.

– Ну что ж, спасибо господину Солтану, а теперь он сам нас отсюда заберет? Была бы цепь в два раза длиннее, ничего такого не случилось бы. И ведь говорила я тебе вчера, что надо побыстрее возвращаться. Так нет же – кому-то хотелось развлекаться, и он уперся как осел: все хорошо, в крайнем случае слегка промокнем...

От холодной ярости голос Луизы утратил всякое выражение. Она с силой растирала плечо, повернувшись к Людовику спиной и не поднимая глаз. Она знала, что увидит, взглянув на него: большое и сильное тело с безвольно повисшими руками, голубые глаза огорченного ребенка, у которого сломалась игрушка, – словом, любимого человека, созданного для радости и безопасности. И тогда она расплачется, а сейчас для этого совсем не время.

Людовик не ответил. С тех пор как они вчера повернули обратно, его до того терзало раскаяние, что даже во рту было горько. И все же ее слова задели. Луиза простит его, если он найдет выход из положения. А какой-нибудь выход непременно должен быть.

– Давай обойдем бухту на моторе. Вдруг «Ясон» напоролся на скалу и затонул.

- Ты в своем уме? Да если бы и так - что бы мы сделали? Не представляю, как бы мы сумели его поднять.

- Ну, может, хотя бы нырну ли, забрали бы...

Людовик замолк на полуслове. Луиза тихо заплакала. Он притянул ее к себе. Как их угораздило оказаться в таком идиотском положении? Это слишком несправедливо, разве можно так их наказывать только за то, что прогулка слегка затянулась. Ему тридцать четыре, и до сих пор он редко задумывался о смерти. Его потрясла утрата двух друзей - один погиб, попав в аварию на мотоцикле, второй сгорел от рака поджелудочной железы, - но это стало еще одним доводом в пользу путешествия под парусом. Жить! Жить на всю катушку, пока нас не прихлопнули! Вот их и прихлопнули - теплым летним днем на фоне великолепного пейзажа где-то в Южном полушарии. Капли воды в лучах лицемерного солнца искрились мириадами алмазов. Долину вдали окутала легкая дымка. Морские львы и морские слоны, разнежившись, сладко зевали. Он огляделся и подумал, что ничто не изменится, если они здесь сгинут, - ни птичий полет, ни волны, ни даже одна травинка. И ветер вскоре сотрет их следы.

* * *

Людовик был типичным представителем того поколения, которое часто называют «поколением игрек»[2 - Так называют поколение родившихся после 1981 г., противопоставляя его предшествующему «поколению икс». Другие его названия - «поколение некст», «сетевое поколение», «поколение Миллениума»]. Единственный сын руководящих работников рос в достатке: коттедж в пригороде, лыжи в Альпах, яхта на Балеарских островах, видеоприставки с играми, дабы белокурый ангел не скучал, когда родители допоздна задерживаются на работе. Он и правда блондин, а намазанный гелем светлый ежик делал его еще выше - хотя куда уж выше, и так метр девяносто. Голубые глаза и ямочка на подбородке сводили с ума всех девчонок в коллеже, а потом в лицее, и он не упускал случая воспользоваться легкой победой. Несерьезное отношение к урокам огорчало преподавателей. «Не использует своих способностей» - такая запись неизменно появлялась в его табеле. С грехом пополам, проводя больше времени в пивных, чем в аудиториях, и с косячком, чем с книгами, он все же закончил бизнес-школу и благодаря отцовским связям устроился персональным менеджером в агентство по организации мероприятий

Foyd & Partners, сугубо французское, хотя по названию и не догадаешься – предполагалось, что английские названия в тренде. Но поверхностный, легкомысленный Людовик был так глубоко одарен способностью к счастью, что словно магнит притягивал к себе других. Рядом с ним всем было хорошо, жизнь делалась простой, приятной, веселой и увлекательной. Не только для него самого стакан всегда был наполовину полон, но его азарт и жизнерадостность передавались окружающим, пусть он сам для того ничего и не делал. Это не было ни позой, ни рисовкой – скорее, следствием его ощущения счастья и защищенности. Он не помнил, чтобы хоть раз проснулся угнетенным или хотя бы задумчивым. Мало-помалу он осознал эту свою одаренность, но нисколько ею не гордился. Делиться с другими переполнявшей его радостью было для Людовика естественно, это был его вклад в устройство мира. Он нравился всем.

Луиза на первый взгляд казалась слишком уж правильной, почти старомодной. Стройная, с удлинённым лицом, на котором улыбка лишь мелькала, да и выглядела почти всегда вымученной – так улыбаются для приличия, чтобы не выглядеть букой. Она была дочерью коммерсантов из Гренобля, где даже самые обеспеченные считают каждую монету. Она тоже ни в чем не знала недостатка, разве что в настоящем внимании. Оба ее старших брата были гордостью семьи, а она, «малявка», всегда была довеском. В семейных разговорах никогда не обсуждали ее замыслы или мечты, ее школьные успехи или личные достижения. И внешность ее внимания не привлекала. Она сама себе не нравилась. Тощая брюнетка ростом метр пятьдесят пять, потерявшая всякую надежду на то, что у нее когда-нибудь вырастет грудь. Детство и отрочество Луиза преодолела незаметно, но старательно, будто стремясь заслужить прощение. Ее считали бесппроблемным ребенком... страшный приговор. Она хорошо закончила школу, потом юридический факультет в Лионе, выдержала конкурс и поступила на государственную службу, в налоговое управление пятнадцатого округа Парижа. И все это время страдала от того, что ее словно бы и не видят. В детстве она находила убежище в запойном чтении, глотала одну за другой книги Жюль Верна, Золя и вообще все, что могла предложить библиотека. А начитавшись, часами мечтала, придумывала себе жизнь, полную страстей и приключений, от которых дух захватывало, представляла себя то в непроходимых джунглях, то в высшем свете, облаченной в шелка. В этом воображаемом мире происходили невероятные события, в которых она наконец-то играла главную роль. Раз за разом она заново прокручивала ситуации, тщательно прорабатывала мизансцены, оттачивала собственные героические реплики. Она отправлялась в путешествия или сражалась за свободу, занималась музыкой или становилась великой спортсменкой. Она видела себя подпольщицей из Сопротивления, в открытом океане, посреди пустыни. Эта тайная жизнь ее утешала, убеждала в

том, что она способна в один прекрасный день стать заметной. Она ложилась на кровать, закрывала глаза и давала волю мечтам. Если приходилось прерваться, потому что пора было в школу, то вечером она продолжала ровно с того места, на котором остановилась. В юности она наконец-то нашла убежище получше воображения – скалолазание и альпинизм. Тем и другим занялась случайно, в летнем лагере, и получила именно то, о чем тосковала: радость для тела, которое недолюбливала; стойкость и смелость, которыми наделяла себя в мечтах; место в группе, в связке, где важен каждый человек. Ей, легкой и гибкой, все удавалось. Она подумывала стать проводником, но не хватило решимости пойти на разрыв с семьей.

Это не женская работа. А что ты станешь делать, когда у тебя появятся дети?

Так это и осталось увлечением. Повзрослев и обретя независимость, она довольствовалась тем, что каждые выходные спешила к Лионскому вокзалу с рюкзаком, в котором лежали скальные туфли, ледорубы и кошки.

Мчащийся поезд, вагон 16, места 46 и 47. Людовик ехал к друзьям кататься на лыжах. Три четверти часа он провел, уткнувшись в свой айфон, потом заскучал. Она изучала путеводитель для скалолазов. На вид – его ровесница.

– Вы альпинистка?

Поначалу Луиза неохотно отвечала на расспросы назойливого соседа, мешавшего ей читать, но в конце концов не устояла перед его улыбкой.

Она не раз пыталась рассказать о своем увлечении коллегам, однако тем быстро надоедали разговоры о классификации маршрутов и непонятные термины, и она снова замкнулась в своих мечтаниях. Высокогорный мир заполнил все тайники ее воображения, она отгородилась им от реальности, жила только этими субботами и воскресеньями, а остальные дни недели встречала и провожала с вежливым безразличием. Она часто и подолгу смотрела на плакат с изображением пиков Дрю[3 - Пти-Дрю и Гран-Дрю – два пика в горном массиве Монблан. Пти-Дрю – один из самых красивых и сложных для восхождений пиков в Альпах.], которым украсила свой кабинет. Это была ее тайна, мир, которого другим не понять, мир для нее одной.

А сейчас, в поезде, расслабилась, словно бы выпав из времени вместе с этим приятным спутником. Незнакомец кивал, и Луиза доверчиво рассказывала, увлеклась, заговорила восторженно. Описывала голубой и розовый рассвет, что встречает тебя, когда ты покидаешь горный приют, и породы, которые распознаешь на ощупь, рассказывала о ночах, проведенных в подвешенной к стене скальной палатке, о том, как палатка раскачивается на ветру, огней в долине уже не видно за облаками, и ты чувствуешь себя ближе к небу, чем к земле, совсем рядом с вечностью. Пыталась объяснить безупречную красоту самого простого, самого прямого маршрута. Вспоминала хруст ледяной корки под ногами и свист улетающей в неизвестность веревки. Людовик с удовольствием слушал – надо же, сколько страсти таится в этой девушке с довольно заурядной внешностью. И как сверкают ее красивые зеленые глаза с золотистыми крапинками.

Они расстались на перроне в Шамони, и он из вежливости, но все же с проблеском интереса пригласил ее выпить – как-нибудь вечером, вместе с друзьями.

Два дня спустя Луиза удивила товарищей по связке, Фила, Бенуа и Сама, после спуска с Эгюий Руж предложив им пойти выпить, – обычно им самим приходилось подолгу ее уговаривать. Все быстро перезнакомились. Людовик не ожидал, что друзья Луизы будут говорить о ней настолько уважительным тоном.

– Она лучшая из нас. Седьмой уровень. Трещины угадывает как никто.

– Когда на стену надвигается гроза, никогда не пугается. И никогда не устает.

– У этой пигалицы невероятный запас энергии.

Он украдкой разглядывал девушку, сидевшую за другим концом стола. После спуска со стены она выглядела умиротворенной и обаятельно улыбалась, рассказывая и руками с обломанными ногтями показывая соседям по столу, как едва не сорвалась с зацепки. А ведь она не такая уж и заурядная!

Луиза его заинтересовала, и, вернувшись в Париж, он позвонил ей и попросил взять его с собой, если наметится не слишком трудный маршрут. Ничто не могло доставить ей большего удовольствия. Конечно, он ей понравился, о таком красавце, да еще и высоченном, она и мечтать не осмеливалась. В школе

обжималась с мальчишками, потом было несколько ночей, когда она не решилась отказать – надо же быть как все, – вот и весь ее любовный опыт. Особенного удовольствия она от этого не получала и убеждала себя, что все это не имеет значения. Жить одной – не самый плохой способ избежать неудач и разочарований. Но теперь ей и внимание его было лестно, и втайне тянуло к нему, вот она и ломала голову, придумывая смешанные маршруты, которые, с одной стороны, были бы доступны новичку, а с другой – устроили бы трех ее друзей, которые помалкивали, но загадочно улыбались: наконец-то наша мадонна скал влюбилась!

Полгода спустя они стали жить вместе. Несерьезный отпускной роман быстро превратился в отношения, наполнявшие радость и тело, и душу. Он ее смешил, она его удивляла. Ее энергия только и ждала возможности выплеснуться. Внешне спокойная, сдержанная и даже робкая, Луиза совершенно преображалась в горах – или в постели, где, нисколько не сдерживаясь, вопила под его руками. Этот тихий омут всегда готов был превратиться в водопад.

Вскоре Луиза перестала изумляться тому, что каким-то чудом этот красавец ее заметил. Теперь она любила его за то новое, что он внес в ее жизнь. Он – воплощение радости и беспечности, которых она не знала, когда была «маленькой». Иногда он вел себя как подросток, пора бы уже и повзрослеть, но в глубине души она признавала его правоту. Она пристраивала голову ему на плечо, и он, увлекаясь сам, делился с ней планами. С ним жизнь ее стала ярче.

Разумеется, о путешествии первым заговорил Людовик. То ли у него началась полоса невезения, то ли несерьезно отнесся к заданию, но он допустил на работе два промаха подряд: участников конгресса плохо кормили – за такое увольняют! – и докладчик был выбран неудачно, во время его выступления многие топ-менеджеры скучали. Людовику без обиняков об этом сообщили, и он решил, что эта нудная работа его достала. С веселым цинизмом он притворялся, будто верит, что матчи в пейнтбол или выходные на Корсике – именно то, что надо, чтобы возместить ущерб от поспешного слияния предприятий. Он все организовал, честно трудился, старался, чтобы аперитивы подавали вовремя, чтобы все происходило на красивом фоне и чтобы вечеринку сопровождала развеселая музыка, но не станет же он гробить на это всю свою жизнь! Весна выдалась сырая и холодная, он чаще ездил на метро, чем на мотороллере, и однажды вечером ощутил, как в нем закипает подлинная ярость. Его бесила эта безликая и безвольная толпа – трясутся в вагоне, уставясь в пространство пустыми глазами, и у каждого в ушах наушники. Бесила папахивающая гнилью

испарина, что оседала на стеклах. Бесили равнодушие, уныние, однообразие. Он смотрел на серые или коричневые пальто, на опущенные уголки губ, на руки, машинально цеплявшиеся за стальные поручни. И с ужасом чувствовал, что сторонний наблюдатель не выделил бы его из этой толпы. Конечно, он мог и дальше так жить. Со временем купил бы дом на берегу Морбиганского залива, проводил бы отпуск на Антильских островах, устраивал вечеринки с выпивкой. Скорее всего, стал бы руководителем проекта, завел бы одного или двух детей. Но даже и эта последняя мысль его не грела. Время от времени, в горах или у моря, ему казалось, будто он прикоснулся к настоящей жизни. В памяти остались мгновения, когда он, предельно сосредоточенный, едва держался дрожащими пальцами за слишком мелкую зацепку или напрягался всем телом, стоя на несущейся по волнам доске. Это не было «преодолением себя» – смешное выражение, – нет, но на краткий миг появлялось чувство, что он полностью владеет своим телом. Ему уже тридцать три, и, оглядываясь назад, он видел, что в памяти только эти минуты и остаются. Ну, само собой, случался еще любовный экстаз. Так что пора было шевелиться, и без промедления, во что бы то ни стало сдвинуться с места, иначе хоть подыхай.

Людовик потратил полгода, уговаривая Луизу. Ее все устраивало. Днем она добросовестно углублялась в юридические тонкости в своем налоговом управлении, вечерами он не давал ей скучать. Ей нравилось ходить с ним в кино и ресторанчики, она полюбила тихие семейные вечера и даже шумные вечеринки. По выходным он лазал по скалам и уже научился делать это вполне прилично, а она с удовольствием осваивала парусную науку на яхте родителей Людовика. Так бы и жить, спокойно дожидаясь, пока у нее начнет расти животик, – правда, это не к спеху.

Но она почувствовала, что должна уступить. У него все чаще портилось настроение, и он то и дело возвращался к этому разговору. Потом он придумал новый способ – стал рассказывать общим друзьям, что они вот-вот отправятся путешествовать, а Луизу это бесило. Теперь, стоило им собраться компанией, кто-нибудь непременно, хихикая, осведомлялся, скоро ли настанет великий день.

Она поддалась на уговоры, потому что боялась его потерять. Они ничем не рискуют – покатаются вволю по свету и вернутся домой. И отправляться надо именно сейчас, когда они полны сил, а детей у них еще нет. Нельзя все время оставаться серьезным, надо хоть один раз оторваться по полной. Этот последний довод на нее подействовал, воскресив детские героические мечты. В

скалолазании ей именно больше всего и нравилось, что на стене полностью отдаешься сиюминутным ощущениям. Рядом с Людовиком она оттаяла, повеселела. Если бы он не появился в ее жизни, она бы окончательно замкнулась, скукожилась в своем одиночестве. Она знала, что перед началом опасного маршрута вполне естественно почувствовать страх, мимолетное желание все отменить, никуда не лезть. Ей случалось, уже стоя в шлеме и с ледорубом в руке, задаваться вопросом, что она здесь делает. Чтобы с этим справиться, достаточно сосредоточиться на технике – и вскоре испытаешь привычную радость. Ее мучила бессонница, и однажды ночью она отчетливо поняла, что до конца жизни себе не простит, если сейчас откажется от путешествия, если сдуется и выберет рутину. И тогда она разбудила Людовика, чтобы немедленно сказать ему, что согласна, и тем самым отрезать себе все пути к отступлению.

Потом они начали обсуждать подробности. Луиза настояла на том, чтобы пока взять отпуск только на год, а там будет видно. У Людовика планы роились десятками, он предлагал то одно, то другое, они уже отказались от путешествия верхом по Андам, решили, что не хотят разъезжать на велосипедах по Новой Зеландии, и отвергли горные вершины в Пакистане.

Яхта – вот что им подходит больше всего, яхта и Атлантический океан. Самое логичное – двинуться к Антильским островам, чтобы набить руку, потом спуститься к Патагонии – это истинный рай для скалолаза, а оттуда идти в Южную Африку. В Кейптауне они решат, как быть дальше. Можно будет отправить яхту обратно на грузовом судне и спокойно вернуться на работу, но, с другой стороны, они окажутся в двух шагах от Индийского океана и, возможно, на пороге кругосветного путешествия.

Потом они начали спорить, а иногда и ссориться из-за того, как надо действовать. Она предложила отправиться в плавание зимой, чтобы привыкнуть управляться со снастями в непогоду, Людовик ее высмеял. А когда он заявил, что незачем тратиться на аварийный радиомаяк, она сказала, что он безответственный. Их пару бросало из стороны в сторону. Мечта стала общей, и каждый не в силах был удержаться от того, чтобы не перекраивать ее по-своему. В течение года они усердно посещали салоны мореплавания и устроенные туроператорами «недели южных морей». У них появлялись знакомые, среди прочих – и тот самый Эрве, настоящий морской волк, не раз ходивший в Патагонию, он-то и помог им найти идеальное судно. Парусник, скупавший на задах вандейской верфи, показался им пузатым и неуклюжим, но

они не устояли перед его именем – «Ясон». Пережить такие же приключения, о каких рассказывают мифы, добыть собственное золотое руно – именно того они и хотели! Это имя было намеком, подсказкой судьбы. Вместе с Эрве они вечер за вечером изучали карты, выбирая лучшие места для стоянок и помечая западни, где может напасть вилливо. Они только и говорили, что о ветрах, холоде, штормах и айсбергах. Друзья Луизы накидали им схемы стольких маршрутов подъема вокруг Ушуаи[4 - Ушуая – город и порт на юге Аргентины, административный центр провинции и департамента Огненная Земля, самый южный город планеты.], что и целой жизни бы не хватило испробовать все.

И вот настало то утро, когда они покинули пасмурный Шербур, город скрылся в дымке, и сердце замерло от счастья и легкой печали. Они поступили правильно. В паре у них все получалось как нельзя лучше, он иногда не в меру увлекался, она иногда недотягивала, но оба неизменно поддерживали друг друга. Их жизнь теперь была наполнена до краев. Неделя за неделей они глазели по сторонам на стоянках, ликовали, стоя на вершине, или в четыре руки управлялись со снастями. Каждое утро сулило приключения, ни один день не был похож на другой, и каждый вечер они засыпали, пресытившись открытиями и своей свободой. Это путешествие было не просто долгим отпуском – они не уставали радоваться и даже впадали в восторженность. Канарские и Антильские острова, Бразилия, Аргентина... Чем дальше они забирались, тем больше мир напоминал им великолепную площадку для игр – сложную, странную, волнующую и восхитительную. Они любовались облупившимися изразцами на улочках Лиссабона, мокли под дождем во время восхождения на пик Тейде[5 - Тейде – вулкан на острове Тенерифе, самая высокая точка Испании (3718 м).] на Тенерифе, объедались корифенами в Атлантическом океане. Добравшись до Антильских островов, решительно отвернулись от унылых пейзажей Гваделупы и Мартиники, но поддались чарам Монсеррата и целую неделю играли в Робинзонов на бескрайних пляжах Барбуды, где кроме них не было ни души. В Бразилии, в Олинде, они пели и танцевали, задыхаясь в тесной толпе горожан, и плакали, хороня Карнавал, после четырех дней исступления, когда пот и кашаса[6 - Водка из сахарного тростника.] лились ручьем. После того, как в Буэнос-Айресе у них украли мобильник, они только посмеялись и поклялись больше никогда их не покупать. Чем дальше они шли вдоль аргентинского берега, тем ощутимее пощипывал холод, небо становилось все прозрачнее, а ветер – все безжалостней. Они достали штормовки, с наслаждением предвкушая настоящие трудности. И в самом деле, их дважды потрепали бури, спины у них после этого ломало от усталости, а лица побелели от соли. Они натерпелись страха и были по-настоящему счастливы, когда вошли в пролив Бигля и пришвартовались к паршивому понтону в Ушуае. Люди с обветренными

загорелыми лицами, каких они раньше видели только на картинках в журналах, встретили их как настоящих моряков, и они этим гордились. В течение двух месяцев они без усталости бродили по старым непролазным лесам, совершали восхождения на гору Дарвина[7 - Гора Дарвина – самая высокая (2350 м) гора на острове Огненная Земля, покрытая вечными снегами и ледниками.], приучались пить мате и писко – чудовищную местную виноградную водку. И занимались любовью на палубе сиреневыми вечерами, тишину которых нарушал лишь гул ледников. У них было так много хороших дней и так мало плохих. Они и не замечали, что их счастье непристойно с точки зрения всего остального мира.

С каждой милей они закалялись, набирались опыта и все больше доверяли своему «Ясону». Теперь они уверенно брали рифы и ставили паруса. Луиза могла бы заметить, что они вступили в тот период, который в скалолазании считается опасным, – когда умеешь уже достаточно, чтобы идти на любой риск, но еще недостаточно, чтобы выпутаться из любых неприятностей. Отправляясь из Патагонии в Южную Африку, они уже знали, что путешествие на этом не закончится. Им навстречу раскрыл объятия Индийский океан, а потом ждал огромный Тихий.

На пути их поманил запретный остров – еще одно приключение. Луиза вяло упиралась, но все же они, как шkodливые дети, полезли туда, куда лазить было запрещено.

Всего несколько дней, самое большее – пара недель. Самое начало сезона и самое подходящее время, чтобы посмотреть на пингвинят!

Да, они всегда и во всем оказывались правы – вплоть до этой январской ночи.

* * *

Сидя рядом, они смотрели на залив так, словно надеялись разглядеть нечто, раньше от них ускользнувшее. Стоявший между ними рюкзак – все, что у них осталось, – казался крохотным. Они в точности знали, что в нем лежало: два ледоруба, две пары кошек, двадцать метров веревки, три скальных крюка – на всякий случай, два термопокрывала, фляжка, зажигалка, спички в непромокаемой упаковке, две флиски, фотоаппарат, три злаковых батончика и два яблока, уцелевших после вчерашнего ужина. Вот и все, что связывало их с прежним миром.

Людовик не выдержал первым:

- Я есть хочу. А ты?

- Остались яблоки и батончики, - сухо ответила Луиза.

Ей хотелось послать его куда подальше. Еда! Он ударил в больное место - это и было самым печальным в их положении. Вполне в его духе, чего еще от него ждать. Он их в это втравил, а теперь ему захотелось устроить пикник. Но опыт восхождений в связке помог ей сдержаться - сейчас не время цапаться.

- Будешь?

- Нет, я не хочу есть.

Она заморозила Людовика ледяным тоном, и он не посмел вытащить их скудные припасы.

- Валяй, перекуси в последний раз.

Луиза изо всех сил старалась контролировать себя, но все же сорвалась:

- Ну что же ты? Ешь, а там будет видно. Как всегда - сначала действуем, думать будем потом!

Людовик оцетинился:

- Только не надо меня воспитывать! Что нам, сидеть и смотреть на эти яблоки? Все равно придется как-то добывать еду, так что двумя яблоками больше, двумя яблоками меньше...

- Не спорю, но меня все это достало. Всегда с тобой так, именно потому мы в это и влипли.

- Вот как? Можно подумать, я тебя силой сюда затащил! Мы же все решали вместе.

Ну вот, теперь их страх превратился в злость, они ссорились так буднично, будто сидят дома, уютно устроившись на диване. Луизе сделалось тоскливо и страшно. Они не только застряли здесь бездомными и бесприютными – они друг к другу приговорены, обречены или быть вместе, или драться. Какая пара способна выдержать подобное заточение?

Людовик думал о том же. Он уже не смел вытащить еду из рюкзака, он чувствовал себя провинившимся мальчишкой, и это его бесило. Что толку его попрекать, постаралась бы лучше что-нибудь придумать.

– Может, сходим на базу, посмотрим, не завалилось ли там что-нибудь? – предложил он.

– Я бы сильно удивилась, она с пятидесятих годов стоит заброшенная.

– Но попробовать-то не мешает.

– Хорошо, давай попробуем, – уступила она.

И все же они еще долго тянули, прежде чем перейти от слов к делу. Сидели оглушенные, охваченные тупым отчаянием, пришибленные собственным бессилием. Мысли увязали в какой-то трясине, все казалось мутным, неверным и никчемным. Оторваться от созерцания пустой бухты, которая так и притягивала взгляд, попытаться что-то предпринять, начать действовать означало смириться с невыносимой реальностью. И мучительно трудно было стряхнуть сковавшее обоих уныние.

Из этого летаргического состояния первым вышел Людовик.

– Пойдем, – устало сказал он.

Битых два часа они бродили по территории базы – оказалось, это настоящий городок.

Пробираясь между рухнувшими балками, оторванными листами железа и гнилыми досками, они обошли цеха, где вытапливали жир, столярную мастерскую, лаборатории.

Появлением своим на картах остров Стромнесс обязан жестоким циклонам, в середине восемнадцатого века застигшим господина де ла Трюйера на пути от Лорьена к мысу Горн. Они гнали его вперед до тех пор, пока он не разглядел сквозь туман заснеженные вершины, напоминавшие нагромождение взбитых сливок. После этого острову и на полвека не дали передышки – явились браконьеры, охотники на морских слонов и ушастых тюленей, которых они тут же алчно пересчитывали в бочки жира. В течение нескольких десятилетий большие суда заходили на стоянку только в самые безопасные бухты. Они выпускали из своих недр шлюпки, и те отправлялись бродяжничать, а потом, чудом избежав гибели, возвращались нагруженными до самого планшира. Флагманское судно тем временем успевало разместить на палубе котлы, и днем и ночью матросы, топчась вокруг них в лужах растопленного жира, сдирали шкуры с убитых животных. Заполнив бочки доверху жиром, забив трюмы нежным котиковым мехом, суда возвращались в Европу, нередко оставляя на острове убогие кресты над могилами моряков, которым не посчастливилось вернуться домой, но кресты эти недолго держались под яростным натиском ветра и дождя.

В девятнадцатом веке кустарная стадия массовых убийств, когда орудовали гарпунами, сменилась промышленной. Вот тогда-то и сообразили, что куда удобнее, а главное – выгоднее устроить цеха по обработке туш, судоремонтные мастерские и людей прямо на острове. И нагрузили суда всем необходимым для постройки на краю света заводов и жилья – для бедолаг, чья жизнь была столь же незавидна, как у угольщиков Мидлендса.

А истребив едва ли не всех ушастых тюленей и морских слонов, охотники взялись за китов, которые тогда еще резвились в дальних бухтах. И техника к тому времени усовершенствовалась. Начиная с 1880 года на острове стали появляться настоящие деревни, только без женщин и без детей. Зимой бригады проводили за ремонтом, летом бухты заполнялись сотнями рыбаков, рубщиков туш, кочегаров, бочаров, а следом за ними прибывали скобянщики, плотники, электрики, механики, парусные мастера, контролеры, повара и даже священники, врачи и зубодеры. Суда привозили все, от провизии до последней гайки, и уходили битком забитые «белым золотом» – жиром для освещения и смазкой для промышленности, шкурами и китовым усом, амброй, мясом и костями...

Стахановцы пятидесятых параллелей гордились сотнями убитых китов.

На диком острове скопились впечатляющие запасы материалов и оборудования: до отказа нагруженные суда доставляли тысячи тонн древесины и железа, машин и отдельных деталей. Расстояний словно и не существовало, налаженную работу фабрики, задуманной и созданной для убийства морских млекопитающих, продолжали другие фабрики за морями, от этих машин зависели другие машины, движение не прекращалось. Сотнями погибали киты, ушастые тюлени и морские слоны. Звериный рай обратился в ад. И смерть так усердствовала, что восторжествовала над жизнью. Звери пропали, охота пришла в упадок. Тогда же началось развитие нефтяной промышленности, и с появлением синтетических масел и пластиков охота на китов и тюленей превратилась в такой же пережиток прошлого, как корсеты на китовом усе, которых женщины уже не носили.

В годы между войнами станции начали закрываться, в истощенную отрасль перестали вкладывать деньги, и одновременно с этим впервые начали принимать меры по охране биологических видов. Осенью 1954 года остров покинули последние его обитатели. Люди бежали, бросая поселения-призраки – свидетельства их алчности. На обширных свалках под открытым небом только ветер и наводил порядок, стирая следы человека.

Исследовав базу, Луиза и Людовик немного успокоились. Не так уж они одиноки, здесь жили люди, и кто знает, что эти люди после себя оставили. Взволнованные, они бродили между цехами и складами.

Некоторые помещения, более укромные, рассказывали о душевных и телесных слабостях людей, прибывших сюда только для того, чтобы работать. Здесь можно было увидеть кресло дантиста, грубо вырезанные эксвото[8 - Как правило, изображения, которыми верующие благодарят святых; в Латинской Америке эксвото обычно выбивают на листе железа, а затем раскрашивают.] в маленькой часовне, отсыревшую фотографию с темной слезинкой от ржавой кнопки и почти уже неразличимым женским лицом. Когда-то в этих стенах не только кричали, приказывали и ругались, но еще и смеялись, и праздновали. И от ощущения, что все было впустую, в конце концов охватывала ярость. Убожество жизни, горы отбросов – и все только ради того, чтобы было чем смазывать машины и чтобы Париж мог называться «город-светоч»?

Однако сегодня у Людовика и Луизы не было настроения рассуждать о моделях цивилизации. Их глаза останавливались только на том, что могло оказаться завалывшейся консервной банкой или еще какой-нибудь едой. После двухчасовых поисков они поверили в чудо. На берегу была устроена настоящая судовой верфь. От нее остались упавшая со спусковых салазок китобойная шлюпка длиной не меньше двадцати метров, несколько лодок и множество изъеденных ржавчиной винтов. К помещению, должно быть служившему конторой, примыкал обширный склад – мечта торговца железом: сотни ящиков, заполненных новенькими деталями, и старательно упакованные собранные моторы соседствовали со штабелями рассортированного по размерам металлического прута и шкафами болтов. А две найденные в дальнем углу стеллажа коробки с еще вполне различимыми надписями Survival Kit – «неприкосновенный запас» – привели их в восторг.

Они знали немало историй о крушениях, которыми неизбежно заканчивалась охота, когда шлюпки двигались вдоль берега, чтобы на отмелях забивать ушастых тюленей и морских слонов. Это судовладельцы, помятуя об опасности, расщедрились? Или этот ничтожный неприкосновенный запас полагался обязательным по решению какого-нибудь жалостливого чиновника? В каждой коробке было по десять завернутых в просмоленную бумагу и запечатанных упаковок, а в них, под тремя слоями бумажных оберток, маслянистые темные хлебцы. На вкус омерзительные – смесь затхлой муки и прогорклого растительного масла. Луизу едва не вырвало, но желудок требовал того, что в рот взять было противно. Они съели половину порции на двоих и, забрав обе коробки, вернулись в логово, где провели прошлую ночь.

Опять полил дождь, на этот раз без ветра. Плеск воды складывался в печальную мелодию, и они окончательно почувствовали себя обездоленными. Людовик неохотно потащился за досками, они снова разожгли огонь и долго сидели, уставившись на пляшущее пламя, только в нем и находя поддержку и утешение. У них ничего не осталось – ни воли, ни желаний, ни возможности отсюда выбраться. День в этих широтах угасает медленно, бесконечно.

Людовик, собравшись с силами, нарушил молчание:

– Сюда наверняка ведь заглядывают научные экспедиции. Это же природный заповедник, сюда должны приезжать ученые, чтобы проводить какие-нибудь исследования, ну, не знаю, подсчитывать альбатросов или пингвинов. И

наверняка именно сейчас, в теплое время года.

– Может быть, вот только где их база? Явно не здесь. Остров в длину сто пятьдесят километров, в ширину – тридцать, бухты отделены одна от другой непроходимыми ледниками, они могут пристать к острову и уйти, так и не заметив нас.

– Мы могли бы привлечь их внимание, выложить на холмах сигнал бедствия, поставить мачту с флагом.

– Да, только лучше бы им поторопиться, с нашими запасами еды мы долго не продержимся.

– Станем охотиться на тюленей и на пингвинов. При существующем положении вещей штрафом больше, штрафом меньше... Пингвинье рагу с жирком должно быть вполне съедобным, не мы первые...

Луиза долго, не отрываясь, смотрела ему в глаза, словно искала в глубине его зрачков источник этого удивительного оптимизма.

– Я люблю тебя.

Людовик обхватил ладонью ее затылок, и они медленно соприкоснулись губами – точно таким был их самый первый поцелуй. Они чувствовали и понимали, как меняет их эта катастрофа, делает совершенно другими людьми. Взаимное раздражение прошло – это была всего лишь незначительная размолвка, и всему виной охватившая обоих паника. Пока они вместе, их любовь будет им поддержкой и защитой. В ней и заключена их сила: мужчина и женщина вместе против бескрайней водной пустыни, против одиночества, против смерти. Повинуясь этой отчаянной потребности в другом, они забрались в свою убогую постель и тихонько предались любви. Это нисколько не походило на испуганную страсть любовников – скорее на нежность родителей, баюкающих ребенка.

К четырем часам уже совсем рассвело. Луизе захотелось снова уснуть, прижавшись к своему исполину, закрыть глаза – и пусть бы, когда она снова их

откроет, оказалось, что они каким-нибудь волшебным способом вернулись на сутки назад и все закончится хорошо. Но нет. Она задумалась о мелких причинах, приводящих к крупным последствиям: была бы цепь на несколько метров длиннее, налетел бы шквал не здесь, а в другом месте... и в голове у нее все смешалось.

Людовик заворочался, ему мешал свет. Он тоже размышлял. Сдаваться нельзя. Они молоды, умны, здоровы. Скольким людям удавалось выжить в куда более тяжелых условиях. Они искали приключений – вот и оно, самое настоящее приключение, возможность узнать, на что ты способен. Они примут вызов. На мгновение ему представилось, как он когда-нибудь потом будет об этом рассказывать и как толпа будет его встречать «несмолкающими аплодисментами»...

Нет, сейчас не время было погружаться в мечты, и он отбросил одеяло.

Так началась их жизнь на необитаемом острове. Робинзоны просыпались на рассвете и тут же решительно брались за дело. Они больше не ссорились и верили, что испытания их сплотят.

На базе можно найти все что угодно – молоток, клещи, кусок дерева или железа. Что бы им ни понадобилось – достаточно сходить «на склад». Они смастерили печку из двухсотлитрового бидона, вырезав в нем отверстие для топки и проделав дырки для тяги. Им удалось насадить сверху трубу, и получился дымоход, который они вывели наружу, разбив одно из оконных стекол. Устроили постоянный сквозняк, зато теперь дым не ел глаза и в горле от него не першило. Этот подвиг вызвал прилив оптимизма. Они починили дверь, нашли матрас получше, разыскали котелки, стол и стулья. Позже они поймут, что в этой лихорадочной деятельности проявилось неприятие реальности, но тогда они не могли всерьез поверить в свое одиночество. Сами того не сознавая, оба жили с мыслью о том, что вот-вот кто-нибудь появится, осталось потерпеть несколько дней, от силы – несколько недель. Они играли в обед, как играют дети, дожидаясь, пока их по-настоящему позовут к столу. И все же эти занятия помогали не впадать в уныние, успокаивали, ободряли, отгоняли страх.

В первые же дни они обошли берег залива, выбрали холм, обращенный к открытому морю, и выложили на его склоне из камней гигантские буквы SOS, а

рядом – стрелку, указывающую на их пристанище. Это был изнурительный труд. Они выискивали самые белые и самые плоские камни – нередко их приходилось выкапывать, используя какую-нибудь железку как рычаг, – потом втаскивали эти камни наверх. Они работали, не поднимая головы, инстинктивно стараясь держаться спиной к морю, сознавая, что пустой горизонт, чью ровную линию нарушали только волны и блуждающие айсберги, безжалостно лишит их всякой надежды на спасение. Для очистки совести заглянули сверху в соседнюю бухту – вдруг увидят там свой милый «Ясон» лежащим на боку. Но там не было ничего, лишь такие же скалы, вода, в которой плавали льдинки, и плетеный узор ручейков – как будто на песок бросили серебристую сетку. Они с удовольствием отметили, что пингвины водятся на острове в невероятном изобилии. Берега не видать под черным ковром из перьев, море неустанно поглощало и выплевывало потоки животных, сами холмы, казалось, шевелились. Там собрались, наверное, десятки тысяч птиц.

– Что ж, наша кладовая полна! – обрадовался Людовик.

В пингвинах они видели свое спасение. Тщательно обшарив все закоулки базы, они не нашли больше никакой еды, и вскоре к терзавшему обоих голоду прибавилась пытка страхом и тревогой – что с ними станет, когда они прикончат запасы? Ничего не оставалось, кроме как начать охотиться на пингвинов, мирных и неуклюжих птиц. Они не сразу наловчились их убивать, поначалу ничего не получалось, пингвины неизменно добирались до воды и скрывались. Способ охоты, до которого они додумались, заключался в том, чтобы отрезать птицам все пути к отступлению. Медленно, стараясь не спугнуть, они загоняли стайку пингвинов в закоулок между зданиями, а потом били без разбора тяжелым железным ломом. Пингвины падали, даже не пискнув. Время от времени кто-нибудь из них пытался клюнуть охотника в ногу, но его отбрасывали яростным пинком. Королевские пингвины ростом около метра считались более ценной добычей – мяса у них побольше, чем у маленьких папуанских, хохлатых или антарктических. Ни Луизу, ни Людовика нисколько не мучила совесть, порой они даже испытывали патологическое удовольствие от того, как легко было убивать. Раньше они любовались черными головками с ослепительно ярким оранжевым пятнышком, умилялись, глядя, как родители кормят птенцов, смеялись над важной поступью вперевалку, но все это было в другой жизни, когда они лишь заглянули сюда мимоходом. Теперь они сами стали частью экосистемы и, как любой хищник, взимали дань.

Ощипывать птиц – отдельное приключение. По бабушкиным рассказам Луиза помнила, что птицу опускают сначала в кипящую воду, но из этого ничего не вышло. Как они ни старались, как ни дергали – только раздирали кожу, а пеньки от перьев во время еды липли к небу. В конце концов они научились сдирать с пингвинов шкуру, но жаль было терять вместе с ней слой подкожного жира. Даже большим королевским пингвином не наедаешься – когда его разделашь, для готовки только и остается, что два кусочка белого мяса по обе стороны грудной кости. Мясо на вкус напоминает куриное, но сильно отдает рыбой. Они варили эти кусочки в пресной воде, добавляя к ней морскую вместо соли, и, притворно веселясь, сочиняли для своей стряпни звучные названия – «Рагу из грудки без соуса» или «Бульон из костей с остатками мяса».

Людовик где-то читал, что местная дикая капуста – отличное средство против цинги, но вкус у нее оказался очень уж ядреный, во рту жгло, как от стручкового перца. Ее надо бы вываривать в нескольких водах, но это долго, и дров не напасешься. К тому же в окрестностях базы она почти не растет. Еще они пробовали собирать длинные ламинарии, которыми были опутаны камни, и моллюсков – морские блюдечки. Но и этим не очень-то насытишься, и у всего проклятый рыбный вкус. Чтобы утолить голод, каждому в день надо по четыре пингвина, но птиц в их бухте не так уж много.

Решив отправиться за провизией в бухточку, которую заметили раньше, ясным днем они спустили шлюпку на воду. Чтобы не тратить бензин, шли на веслах, и на то, чтобы обогнуть мыс с запада, потратили три часа. Запах помета и тухлой рыбы ударил в нос задолго до того, как они приблизились к берегу. А на берегу стоял оглушительный гвалт: пингвины возвращались с охоты, зоб у всех раздут от рыбной кашицы, которой они кормят птенцов. Собственное потомство родители узнают только по звуку, каждый поет на свой лад. Вновь прибывшие бродят, попискивая, отгоняют от себя клювами юных нахалов до тех пор, пока не найдут своих. Тогда тот из родителей, кто оставался на берегу и опекал птенцов, уступает место кормильцу, один-два коричневых шарика бросаются к нему, широко разевая клюв. Кое-где рылись в помете белые, словно голубки, ржанки, над песком низко кружили поморники, хищно высматривая и готовясь схватить слабенького или отбившегося от родителей птенца.

Луиза потихоньку зашла в середину колонии, и море перьев сомкнулось у нее за спиной. В этой компании, так напоминающей человеческое общество, каждый занимался своими делами – кто воспитывал потомство, тюкая птенца клювом, кто воровал у соседа камешки для собственного гнезда, одни ссорились, другие

любезничали. Некоторые, похоже, попросту прогуливались, удивленно или задумчиво глядя вокруг черными глазами. В гуще тел Луизе было тепло, но почему-то хотелось плакать. Оттого ли, что и здесь, на ледяной окраине мира, тянулась ниточка жизни, которую так легко оборвать? Или причина лежала глубже – она стосковалась по толпе, по таким же, как она, людям, ей не с кем было поделиться, не от кого защищаться? Почувствовав себя бесконечно одинокой, она позавидовала пингвинам.

Ее размышления прервал многоголосый писк. Людовик, давно не евший досыта, алчно бросился штурмовать колонию. Каждый раз, взмахнув палкой, он укладывал нескольких птиц, а их соседи с негодующими криками пускались наутек. Он лупил и лупил, он был почти мерзок ей в своем исступлении. Глядя на этого грязного мужчину, убивающего направо и налево, Луиза на какое-то мгновение его возненавидела.

– Ну что стоишь? Иди в лодку и не давай им уплыть.

Страхнув оцепенение, она выполнила приказ. Полчаса спустя лодка была завалена птицами, их было около сотни, шелковистая черно-белая гора, влажные перья еще поблескивали на солнце.

– Хватит! Нам и с этим-то грузом трудно будет вернуться. И потом придется их всех потрошить.

– Мы же не станем каждый день сюда таскаться, – проворчал Людовик, но, окинув взглядом груды тел, под которой скрылась лодка, согласился: – Хорошо, вернемся. Теперь мы знаем дорогу в кладовую.

Обратный путь оказался куда более опасным. На скользкой грудке мертвой плоти усидеть было трудно, они все время сползали, и Луизе казалось, что она слышит, как сплющивается мясо и ломаются кости. Оба гребли, напрягая все силы.

Волны били в борт, перегруженная лодка кренилась, их обдавало брызгами. После часа пути пришлось переместить груз, чтобы вычерпать воду, несколько пингвиньих тел соскользнуло за борт, и они впервые после исчезновения «Ясона» поссорились.

Луиза, у которой разболелось плечо, гребла, стиснув зубы, но прошел еще час, ветер заметно усилился, а до берега было далеко.

– Заведи мотор, на веслах нам не дойти, – взмолилась она.

– Нет! Нельзя попусту тратить бензин, представь, что мимо пройдет судно, а мы не сможем до него добраться.

Они ругались еще минут десять, но в конце концов Людовик, чертыхнувшись, яростно воткнул весло в груды мертвых птиц.

Шум мотора, этот голос цивилизации, их успокоил. Закрыв глаза, можно было себе представить, будто возвращаешься с прогулки по суше к своему милому «Ясону» и сейчас уютно устроишься под теплым одеялом или за столом, на котором стоит вкусный обед.

На берегу пришлось еще перетащить весь груз на первый этаж дома, где они поселились, чтобы укрыть добычу от дождя, который так не ко времени полил. Промокшие и измученные, они из последних сил разожгли огонь и выпотрошили своих четырех насущных пингвинов, а потом почти час ждали, пока закипит вода и пока сварится мясо. По настоянию Луизы они каждый день мылись, вернее, обтирались ветхой тряпкой, смоченной в чуть теплой воде, но сегодня легли спать в пропитанной кровью и облепленной перьями одежде, не отмыв рук. Всю ночь они проспали беспробудным сном и не слышали, что творилось этажом ниже.

Но утром, когда спустились вниз, чтобы разделывать добычу, звук их шагов обратил в бегство полчища крыс, которые всю ночь здесь пировали. Крысы устроили нечто невообразимое: пингвинов растащили во все стороны, вывалили в грязи, повсюду были разбросаны потроха, клочья кожи, головы с выеденными глазами. Груда птиц, которую они вчера с таким трудом сложили, словно взорвалась изнутри, развалилась склизкими ошметками. Когда они подошли ближе, из самой середины кровавого месива выскочила последняя крыса, ее белые зубы ослепительно сверкали на фоне лоснящейся от слизи и крови черной шерсти.

Они в один голос взвыли. Стоило ради этого так стараться! Столько труда, столько птиц перебили, так надрывались весь день только для того, чтобы

накормить этих мерзких тварей! Солнечный луч, пройдя через грязное стекло, скользнул по трем нетронутым птицам. Они лежали рядышком, с закрытыми глазами, и казались спящими. Луизе захотелось взять их на руки и побаюкать. Она разрыдалась.

- Луиза, сейчас не время реветь.

Людовик погнался за убегающей крысой, потом вернулся к грудке пингвинов и запустил в нее руки, отыскивая целые тушки. Он яростно ворошил грудку, отшвыривая попорченных птиц.

- Ну, где ты там, к полу приросла?

Она, всхлипывая, присоединилась к нему, и весь день они разбирали тушки, потрошили их и подвешивали к карнизу, чтобы крысы до них не добрались. Спасти удалось штук сорок, не больше. Потом надо было сгрести в кучу и выбросить остатки и как можно лучше убрать, чтобы не привлечь грызунов снова. Это была скучная, тяжелая и выматывающая работа, приходилось таскать воду из ручья в сотне метров от дома и тереть пол облысевшей щеткой. Они трудились молча, и каждый мысленно обвинял другого в случившемся.

Под вечер Луиза ушла собирать моллюсков – хоть какое-то разнообразие, и к тому же ей необходимо было отвлечься от этой тошнотворной работы. Море отступило, темный песок поблескивал, ветер ерошил волны, рассыпал их водяной пылью, бухта побелела от пены. Она озябла, чувствовала себя жалкой и покинутой. До сих пор ей удавалось отгонять воспоминания о прежней жизни, она была сосредоточена на надежде выжить и вере в то, что вдвоем они это сумеют. И вдруг потеряла эту уверенность. Ей представился ее четвертый этаж в налоговом управлении, серый письменный стол, пластиковые лотки для бумаг, компьютер, чахлое растение в горшке, постер с горным пейзажем, запах кофе в коридоре, визгливые голоса коллег за стеклянной дверью, – должно быть, сейчас они завидуют ей, тому, как она беззаботно греется на солнышке. Воспоминания о безвозвратно потерянном рае навалились так, что не вздохнуть. О доме, об их квартирке, уютном гнездышке, которое они так глупо покинули, она старалась не думать. Зачем она послушалась Людовика? Сама виновата, надо было проявить больше твердости. Она боялась его потерять, а теперь как бы им вдвоем не пропасть. Он все так же глупо себя ведет. Не нагрузили бы они так вчера лодку, спокойно вернулись бы на веслах и успели убрать пингвинов в безопасное место. Луиза перебирала все это в уме, выдергивая водоросли, и

наконец впервые улыбнулась при виде двух рыбешек, оставленных отливом в углублении камня. А потом ей пришло в голову, что сами они ничем не отличаются от несчастных рыбок, которые оказались в ловушке и скоро станут добычей поморника или чайки. Можно подумать, их самих ждет другое будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Вилливо (williwaw) – сильный и холодный шквал на подветренной стороне гор на побережье Южной Америки, в Магеллановом проливе, а также на Аляске и в Алеутских горах. Иногда длится всего несколько секунд. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Так называют поколение родившихся после 1981 г., противопоставляя его предшествующему «поколению икс». Другие его названия – «поколение некст», «сетевое поколение», «поколение Миллениума».

3

Пти-Дрю и Гран-Дрю – два пика в горном массиве Монблан. Пти-Дрю – один из самых красивых и сложных для восхождений пиков в Альпах.

4

Ушуая – город и порт на юге Аргентины, административный центр провинции и департамента Огненная Земля, самый южный город планеты.

5

Тейде – вулкан на острове Тенерифе, самая высокая точка Испании (3718 м).

6

Водка из сахарного тростника.

7

Гора Дарвина – самая высокая (2350 м) гора на острове Огненная Земля, покрытая вечными снегами и ледниками.

8

Как правило, изображения, которыми верующие благодарят святых; в Латинской Америке эксвото обычно выбивают на листе железа, а затем раскрашивают.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/izabel-otise/i-vdrug-nikogo-ne-stalo-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)